

— Это будет слишком хлопотно, — Чэнь Пэй по привычке вежливо возразила.

Цзи Шаотин, услышав это, забеспокоился и сразу же ответил:

— Ничего хлопотного! Мой брат — это ваш брат...

За столом именно Ли Чэнь первым засмеялся. Цзи Шаотин кашлянул, чтобы скрыть неловкость, и быстро сменил тему:

— Я сейчас же поговорю с братом. Если у Ачэня будет возможность по работе, может, в этом году поедем ко мне на праздники?

Он всё больше убеждался, что это хорошая идея:

— Задержимся подольше, поможем маме устроиться.

— Я могу, — посмотрел Ли Чэнь на Чэнь Пэй. — Мама, как вы думаете?

Чэнь Пэй всё ещё смеялась над оговоркой Цзи Шаотина, смеялась так, что морщинки у глаз задвигались.

— Хорошо, — кивнула она. — Конечно, хорошо.

Компания семьи Цзи действительно возродилась, и её глава, Цзи Линьчжан, становился всё занятее. Цзи Шаотин получил ответ от брата только ближе к концу купания Ли Чэня: [Конечно, хорошо. Я потом скажу родителям. Когда вы планируете приехать? Сейчас уже близко к Новому году, если покупать билеты на самолёт, лучше поторопиться.]

— С Ли Чэнем проблем с билетами не будет, — Цзи Шаотин подсчитал на пальцах. — В начале февраля. Брат, у тебя и папы будет время встретить нас? Тётя Чэнь тоже приедет, будет вежливо, если кто-то из семьи встретит. И комнаты дома тоже нужно подготовить.

Затем он услышал, как замок в ванной щёлкнул, и Ли Чэнь вышел, откинув назад мокрые волосы, с расслабленным и довольным лицом:

— С кем разговариваешь?

— С братом, — Цзи Шаотин отодвинулся, освобождая тёплое место в постели.

Ли Чэнь естественно лёг в тепло Цзи Шаотина, обнял его, но не собирался общаться с его семьёй, даже не планировал поздороваться.

Цзи Шаотин взглянул на него и продолжил разговор:

— Определились с датой?

— Папа не любит говорить, я всё улажу, — Цзи Шаотин услышал, как Цзи Линьчжан нажимает на клавиши. — Я посмотрел, второго числа утром есть прямой рейс, и у меня как раз будет свободное время днём. Как насчёт этого? Второе февраля.

— Второе февраля? Уточню, — Цзи Шаотин немного отодвинул телефон и повернулся к Ли Чэню. — Не слишком рано? Много работы в компании?

Ли Чэнь молчал.

Цзи Шаотин заметил, что взгляд Ли Чэня стал странным, и первой мыслью было, что этот человек может сойти с ума без всякой причины. Он инстинктивно задрожал, осторожно спросив:

— Ачэнь?

Через две-три секунды Ли Чэнь наконец заговорил, его голос был хриплым, и он просто повторил:

— Второе февраля.

— Да, да... — Цзи Шаотин не знал, в чём ошибся, осторожно добавил:

— В этот день мы полетим ко мне домой. Брат посмотрел, утром есть прямой рейс.

Ли Чэнь всё ещё молчал, и Цзи Линьчжан на другом конце провода почувствовал неладное, дважды позвав: [Тинтин, всё в порядке?]

Цзи Шаотин на словах ответил, что всё хорошо, украдкой поглядывая на Ли Чэня, и быстро закончил разговор:

— Брат, я поговорю с Ли Чэнем ещё раз. Ты иди отдыхай, потом поговорим.

Теперь в комнате остались только они двое, и воздух стал ещё более напряжённым.

— Ачэнь... — Цзи Шаотин всем своим видом старался угодить, расслабляя тело и сжимая руку Ли Чэня на своей талии, каждое слово произнося мягко и нежно. — Что случилось? Что я сделал не так?

— Как ты планируешь провести этот день? — медленно спросил Ли Чэнь.

Это был настоящий вопрос на засыпку. В такой атмосфере даже одно неверное слово могло стать началом кошмара. Настроение Ли Чэня было непредсказуемым, и Цзи Шаотин изо всех сил старался предложить идеальный план:

— Утром полетим, к двум-трём часам дня будем на месте. Сначала отдохнём у меня дома, а вечером пойдём ужинать. Если хочешь, после ужина могу показать тебе окрестности.

— И всё?

Цзи Шаотин напрягся:

— В первый день после перелёта не хочу тебя утомлять. На второй день я могу отвезти тебя на горячие источники. Ты хочешь...

— Ах!

Ли Чэнь резко перевернул Цзи Шаотина на кровать, упёршись руками по бокам его головы, его лицо стало мрачным и злым:

— Ты действительно забыл.

Цзи Шаотин смотрел на него в недоумении:

— Забыл...?

Ли Чэнь смотрел на него. На самом деле, глубокая любовь всегда содержит немного ненависти, но эта ненависть в глазах Ли Чэня разрослась до бесконечности. Он смотрел на Цзи Шаотина, словно хотел разорвать его на куски своим взглядом.

Цзи Шаотин дважды дрожащим голосом извинился, оказавшись в крайне опасной ситуации, его врождённая медлительность проявилась снова, все реакции замедлились, все мысли застряли. Чем больше он пытался вспомнить, тем меньше у него получалось: что же он забыл?

Ли Чэнь опустил руки, внезапно обмяк, уткнувшись лицом в шею Цзи Шаотина.

Цзи Шаотину показалось, что он услышал слабый стон зверя, проскользнувший мимо уха, который он не успел уловить. Затем последовала острая боль — Ли Чэнь впился зубами в его шею:

— Второе февраля.

Затем, сквозь зубы, он произнёс:

— Мой день рождения.

Ах да, день рождения Ли Чэня, он ведь запомнил его.

Ли Чэнь действительно приложил всю силу, он был человеком, который выражал свои чувства через действия, будь то любовь или ненависть.

Цзи Шаотин сжался от боли, но не сопротивлялся, его разум был полон чувства вины.

Он вспомнил, как чувствовал себя, когда Ли Чэнь ушёл к другому. Было ли это похоже на то, что он чувствует сейчас?

... Почему в такой ситуации он всё ещё мог вспомнить об этом.

Оказывается, он действительно был ранен, — подумал Цзи Шаотин. Оказывается, этот укус на плече был лишь небольшой раной, а в груди всё было разорвано Ли Чэнем в клочья. Он ведь давно знал, что быть любимым Ли Чэнем — это не благо, и любить его тоже — это неизбежно приносит боль.

— Как ты мог забыть? — услышал он гневный вопрос Ли Чэня.

Он тоже хотел спросить себя, почему он забыл. Он всегда хорошо справлялся в социальных отношениях, помнил дни рождения всех друзей, даже засиживался до полуночи, чтобы отправить поздравления в 00:00. Но почему он забыл день рождения Ли Чэня?

Ведь Ли Чэнь был самым особенным человеком в его жизни — не другом, не любовником, не родственником.

Единственный ответ заключался в том, что он не хотел больше иметь никаких связей с Ли Чэнем.

Он хотел разорвать все формы общения, даже такие мелкие, как запоминание его дня рождения. Он подсознательно отвергал всё, что могло оставить имя Ли Чэня в его памяти, надолго заняв там место.

Но их связала благодарность, и Цзи Шаотин, под давлением морали, не мог уйти от Ли Чэня даже в такой ситуации, когда острая боль в плече не прекращалась, он мог только молча терпеть.

Это было домашнее насилие?

Цзи Шаотин не знал, была ли между ними любовь, но у них действительно были супружеские отношения, освящённые в храме и закреплённые в юридических документах.

И это был ужасный брак: домашнее насилие, изнасилование в браке, физическое предательство.

Цзи Шаотин позволил Ли Чэню оставить глубокий след от укуса на своём плече, пока тот не выпустил весь свой гнев.

Наступило самое холодное время года, даже в прибрежном городе близ экватора чувствовался мороз, и их отношения тоже застыли, замерли в тупике, без возможности оттепели. Но Ли Чэнь всё ещё не осознавал, что сердце Цзи Шаотина почти умерло.

Он осознал только то, что действительно укусил слишком сильно.

Ли Чэнь смотрел на зловещий след от укуса на плече Цзи Шаотина, его глаза были полны растерянности.

Он действительно прокусил кожу Цзи Шаотина, красный след от зубов уже начал синеть. Ли Чэнь чувствовал глубокое раскаяние, но почему-то оно превратилось в лёгкое:

— Кровь не пошла.

Затем последовал вопрос:

— Почему ты не кричал от боли?

Для Цзи Шаотина это звучало как попытка переложить ответственность: это он не кричал, поэтому Ли Чэнь укусил его так сильно. Цзи Шаотин горько и глупо улыбнулся:

— Ничего.

Затем он замолчал и тихо добавил:

— Всё равно это моя вина.

Ли Чэнь почувствовал, как что-то рушится, и это больше нельзя восстановить. Он не понимал, почему Цзи Шаотин выглядел таким подавленным, хотя настоящая рана была у него:

— Ты забыл мой день рождения.

— Да, — вздохнул Цзи Шаотин. — Поэтому я сказал, что это моя вина, прости.

<http://bllate.org/book/16306/1470775>